

Хабаровский процесс 1949 г. по материалам Центрального архива ФСБ России

В. С. Христофоров*

Вторая мировая война закончилась после того, как 14 августа 1945 г. император Хирохито, правительство и военное командование Японии приняли условия Потсдамской декларации и 2 сентября 1945 г. подписали акт капитуляции перед союзными государствами — СССР, США, Англией и Китаем. События, связанные с японской агрессией, были детально рассмотрены Международным военным трибуналом по обвинению главных японских преступников. Заседания Международного трибунала проходили в Токио (1946–1948 гг.) и получили наименование Токийского процесса¹.

Международный трибунал признал факт вступления Японии в преступный заговор с гитлеровской Германией и фашистской Италией против мира и человечества, планирования, развязывания и ведения японскими правящими и военными кругами завоевательных войн, в том числе и против Советского Союза. Реализуя свои преступные планы, Япония совершила ряд актов агрессии: оккупация Маньчжурии (1931)²; вторжение в Китай (1937); нападение японской армии в 1939 г. на дружественную СССР Монгольскую Народную Республику в районе реки Халхин-Гол³ и другие. Международный трибунал установил факт ведения Японией агрессивной войны против СССР в районе озера Хасан (1938)⁴. Трибунал констатировал, что «нападение, которое планировалось и было осуществлено с использованием значительных сил, нельзя рассматривать как простое столкновение между пограничными патрулями... военные действия были начаты японцами»⁵.

Общеизвестно, что японские правящие круги во главе с императором и Генштабом японской армии с конца XIX в. настойчиво и последовательно проводили экспансионистский курс по военному захвату российского Приморья и Сибири и присоединению их к Японской империи. В 1930-е гг. в Японии окончательно сформировались агрессивные устремления против СССР: в 1934 г. Генштабом японской армии был окончательно доработан план нападения на СССР и в 1935 г. этот план под названием «Оцу», предусматривавший захват и последующее управление территориями советского Приморья, был утвержден императором⁶.

После нападения фашистской Германии на СССР обстановка на дальневосточной границе стала еще более напряженной. В районах, прилегающих к СССР, японское командование держало миллионную Квантунскую армию. В июле 1941 г. в Японии предполагали начать наступление против СССР 28 августа 1941 г., захватить территории Дальнего Востока и Забайкалья и окончить войну в сентябре — октябре 1941 г.⁷ Японские правящие круги считали, что победа Германии «предоставит Японии удобный случай осуществить на практике свои агрессивные планы против Советского Союза». Япония «намеревалась свое нападение на СССР осуществить к наиболее благоприятному моменту в советско-германской войне», «продолжала рассматривать это нападение как одну из основных целей своей политики»⁸, а заключенные с советским государством соглашение о ненападении и пакт о нейтралитете «лишь как временную договоренность...».

* **Василий Степанович Христофоров** — доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

В материалах Токийского процесса имеются сведения, что германский посол в Японии еще в июле 1941 г. докладывал в Берлин, что «японское правительство усиление военных приготовлений производит для того, чтобы сковать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в борьбе с Германией»⁹. Трибунал признал также факт вступления Японии в преступный заговор с гитлеровской Германией и фашистской Италией против мира и человечества. Приговор Международного трибунала в Токио гласил: «Несомненно установлено, что Япония заключила пакт о нейтралитете не искренно и в качестве мероприятия, которое бы помогло Японии осуществить свои агрессивные намерения против СССР»¹⁰.

Отдельные документы Международного военного трибунала для Дальнего Востока по делу главных японских военных преступников имеются и в Центральном архиве ФСБ России. В фонде архивных уголовных дел хранится уголовное дело №Н-20058 в 26 томах. По материалам дела проходят 12 японских военнослужащих, которые в нарушение Женевского протокола 1925 г. занимались разработкой, созданием и применением бактериологического оружия в годы Второй мировой войны¹¹. Следствие проводилось оперативно-следственной группой МВД СССР и Следственным управлением МВД СССР по Хабаровскому краю в период с 22 октября по 13 декабря 1949 г. В уголовном деле имеются собственноручные показания и дневниковые записи обвиняемых (на японском языке и в переводе на русский), показания свидетелей, акты судебно-медицинских экспертиз, протоколы допросов и др.

В конце декабря 1949 г. в Хабаровске военный трибунал Приморского военного округа рассмотрел дело по обвинению японских военных в подготовке и применении бактериологического оружия¹² против советских, монгольских и китайских войск и мирного населения в боях на реке Халхин-Гол (1939), в Китае (1940–1942), проведении преступных опытов над людьми. Обвинение было предъявлено бывшему командующему Квантунской армией¹³ О. Ямада, начальникам санитарного управления и ветеринарной службы Квантунской армии, военнослужащим отрядов №№ 731 и 100. В советской историографии этот судебное разбирательство получило наименование «Хабаровского процесса (1949)»¹⁴.

Осуществляя подготовку к войне против СССР и других государств, японские правящие круги и национальные спецслужбы возла-

гали большие надежды на применение в боевых условиях бактериологического оружия, проводя при этом его разработку, испытания и совершенствование. Оно рассматривалось как средство, способное сыграть чуть ли не решающую роль в парализации деятельности войск противника.

Материалы архивного уголовного дела свидетельствуют, что решение об изготовлении бактериологического оружия было оформлено указами императора. На территории оккупированной Маньчжурии создавались совершенно секретные структуры, подчинявшиеся только императору, Генштабу японской армии и, как исполнителю — командующему Квантунской армией. У последнего права были ограниченными. Действия и распоряжения надлежало осуществлять лишь по приказам, предписаниям и по согласованию с императорской ставкой и Генштабом японской армии.

Бактериологическая лаборатория, возглавляемая известным в Японии идеологом бактериологической войны, впоследствии генерал-лейтенантом медслужбы Исии Сиро¹⁵, была организована и включена в состав Квантунской армии вскоре после захвата Маньчжурии в 1931 г. В этой лаборатории производились изыскания в области использования бактериологических средств — вирусов острых инфекционных заболеваний. В 1935–1936 гг. были развернуты два секретных формирования под условными названиями «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии» и «Иппозэпизоотическое»¹⁶ управление Квантунской армии», основными задачами которых являлись: выращивание в больших количествах бактерий и бацилл для бактериологического оружия и проведение испытаний его на людях, животных и растениях. В 1941 г. они были соответственно зашифрованы как «отряд № 731», возглавляемый упоминавшимся Исии и располагавшийся в местечке Пинфан в 20 км от Харбина, и «отряд № 100» под руководством генерал-майора ветеринарной службы Вакамацу с местом дислокации в г. Чанчуне¹⁷.

Отряды имели широкую сеть филиалов, расположенных на основных направлениях планировавшихся наступательных операций (Читинском, Хабаровском, Благовещенском и др.) в городах Хайларе, Сунью, Нанкине, Кантоне, Дуннине, Дуньяне, Линькоу, Кокузане и др.¹⁸.

Генерал К. Кавасима на допросе 21 октября 1949 г. показал: «731 отряд был организован по секретному декрету императора Японии Хирохито

в 1936 г. Первоначальное размещение отряда было определено в г. Харбине и, согласно приказу военного министра Японии, начальником 731 отряда был назначен полковник медицинской службы Исии Сиро. Сразу же после организации отряда он получил официальное название «Управление водоснабжения и профилактики Квантунской армии» и формально занимался вопросами, связанными с очисткой воды и снабжением водой Квантунской армии, а также борьбой с эпидемическими заболеваниями. В Квантунской армии он был известен под названием — «отряд Мансю № 731», т.е. «Маньчжурского отряда № 731 Квантунской армии». По мере активизации исследовательской работы, роста значения и степени серьезности выполняемых работ появилась необходимость в увеличении штатов, расширении лабораторий и территории отряда. В связи с этим по новому декрету главная часть отряда была перемещена в район ст. Пинфан (примерно в 30 км от Харбина к югу), где проводилась основная исследовательская, экспериментальная и производственная деятельность отряда. Все строительные работы в районе ст. Пинфан были начаты в 1939 г. и к моменту перехода туда отряда строительство было закончено. Таким образом, в 1940 г. в г. Харбине остались отделы, ведающие чисто противозидемической и лечебной работами, а все остальные отделы, занимавшиеся работами, связанными с подготовкой бактериологической войны, были переведены на ст. Пинфан. Декрет императора от 1940 г., кроме того, предусматривал увеличение штатов отряда численностью до 3 тыс. человек, включая сюда и вновь сформированные филиалы в различных районах Маньчжурии, а также структурное деление отряда на отделы. Что касается цели и задач организации 731 отряда, то они односторонне были определены приказом военного министра Японии, изданного, наряду с декретом императора, в котором значилось, что 731 отряд организовывается в целях массовых мероприятий по борьбе с эпидемическими заболеваниями в Квантунской армии. Этот приказ военного министра Японии я видел лично в делах общего отдела»¹⁹.

Позже К. Кавасима говорил на допросах, что для разработки планов бактериологической войны высшие японские военные приводили следующие обоснования: «Однажды, во время беседы с руководящими работниками отряда летом 1941 г., генерал Исии у себя в кабинете разговаривал о причинах, побудивших военные круги Японии организовать такой исследовательский орган, как 731 отряд. Говорил, что Япония не имеет достаточных природных запасов металла

и других видов сырья, нужного для изготовления оружия, поэтому Японии необходимо изыскивать новые виды оружия, одним из которых в то время считалось бактериологическое оружие. Кроме этого, Исии указал, что все великие державы ведут в этой области соответствующие работы, и Япония в этом вопросе не должна отставать»²⁰.

В рамках подготовки к реализации плана «Кантокуэн», как показал К. Кавасима на другом допросе, тоже проводилась большая работа: «Исии передал нам, что в Генеральном штабе высоко оценили результаты работы отряда и дали указание обратить особое внимание на усовершенствование и дальнейшую разработку бактериологических средств войны. После этой информации генерал Исии призвал нас к еще более напряженному труду для увеличения производительности отряда по размножению блох в еще большем количестве. Тут же Исии отметил, что отряду удавалось в самых удачных случаях доводить размножение блох до 60 кг в 3–4 месяца. Но теперь это количество необходимо довести до 200 кг. Генерал Исии нам разъяснил, что все эти мероприятия по расширению производства бактериологического оружия необходимы в связи с международной обстановкой, т.е. началом войны Германии против Советского Союза и введением в Квантунской армии плана „Кантоку-Эн“, который предусматривал подготовку военных мероприятий против СССР, и поэтому наша армия должна была иметь в готовности бактериологическое оружие, чтобы в нужный момент использовать его против СССР»²¹.

Во время войны отрядам предстояло, во-первых, применить бактериологическое оружие в ходе наступательных военных действий японских частей и соединений против Красной армии с целью вывода из строя ее живой силы и, во-вторых, при вынужденном отступлении японской армии организовать бактериологическое отравление оставляемой территории (животного и растительного мира, водоемисточников и т.п.) для распространения эпидемий в войсках противника и среди местного населения. Эти отряды были укомплектованы специалистами-бактериологами, научными и техническими сотрудниками, имели новейшее оборудование (в том числе немецкого производства). Для размещения производства, научных разработок, проживания персонала в отрядах были построены капитальные здания; для проведения начальных опытов по заражению животных — загонь для скота, а для проведения экспериментов на людях — внутренняя тюрьма

и крематорий. Были оборудованы испытательные полигоны. Отряд № 731 имел свою авиационную часть для испытаний бомб и снарядов, начиненных смертоносными бактериями. Для удобства снабжения отряда № 731 была проложена железнодорожная ветка от ст. Пинфан.

Создание и выращивание бактерий остроинфекционных заболеваний, разработка способов их распространения (сброс авиабомб с носителями бактерий блохами, заражения воды, пищи, скота и растений) велось в достаточно широком масштабе. Бактерии производились в количестве, достаточном для ведения бактериологической войны. Опыты по проверке действенности бактериологического оружия проводились в лабораторных и полигонных условиях.

По показаниям свидетелей и самих обвиняемых, преступные опыты на людях были в отрядах «обычным делом». В деле имеются свидетельства применения возбудителей брюшного тифа, паратифа, дизентерии, нарывного газа и др. Если испытуемый выживал, на нем проверялись другие бактерии. Об этом дал показания в процессе следствия один из обвиняемых: «В 731 отряд ежегодно доставлялось от 500 до 600 человек заключенных. Я видел, как сотрудники первого отдела отряда принимали заключенных от жандармерии целыми партиями. Они содержались в двух корпусах тюрьмы, которая помещалась на территории отряда, вместимостью до 200 человек. Оба тюремных корпуса усиленно охранялись часовыми. В тюремных камерах помещалось от одного до 4-х человек. В целях эффективности опытов пища, приготовленная в кухне тюрьмы, была вполне питательной и достаточной по количеству. В тюремных зданиях имелись операционный и рентгеновский кабинеты. Для каждого вида эпидемических заболеваний были выделены отдельные камеры, куда водворялись лица, предназначенные к насильственному заражению одним из видов патогенного возбудителя. В отдельных случаях, в целях удобства, заражение подопытного человека производилось не в лаборатории, а в камере тюрьмы, где заключенный содержался. Заключенные из камер выводились в наручниках и под охраной. Если заключенный, несмотря на заражение его смертоносными бактериями, выздоравливал, то это не спасало его от повторных опытов, которые продолжались до тех пор, пока не наступала смерть. Лиц, подвергшихся заражению, лечили, исследуя различные методы лечения, нормально питали и после того, как они окончательно поправлялись, их использовали для следующего эксперимента, заражая другими видами бактерий.

Во всяком случае, живым из этой фабрики смерти никто и никогда не выходил. Трупы умерших, после предварительного анатомического исследования, сжигали в крематории отряда»²².

Для проведения полигонных испытаний привлекались специалисты-бактериологи, жандармерия, вольнонаемные рабочие, лётный состав отряда. Заключенных привязывали в поле к железным столбам, после чего на них испытывали действие различных бактериологических снарядов. В результате подобных экспериментов некоторые испытуемые умирали; другие, получив тяжелые увечья, становились непригодными для дальнейших опытов, поэтому, либо расстреливались жандармерией отрядов, либо умерщвлялись путем впрыскивания цианистого калия медперсоналом отрядов. «Смертность человеческих жертв²³, подвергавшихся искусственному заражению чумой, холерой, брюшным тифом, паратифом, дизентерией и кровоточащей лихорадкой, была различна, — показал К. Кавасима на допросе 11 августа 1946 г., — при экспериментах искусственного заражения человека без лечения смертность достигла: от сапа — 100 %, от чумы — 70 %, холеры — до 70 %, брюшного тифа — до 60–70 % и т.д. При лечении процент смертности понижался, а в отдельных случаях заражение излечивалось»²⁴.

В качестве испытуемых в бактериологические отряды японскими военными миссиями, жандармерии и контрразведки направлялись: китайцы, корейцы, маньчжуры, советские граждане, оказавшиеся по различным причинам в Маньчжурии, русские эмигранты, заподозренные японцами в симпатиях к СССР или связях с советской разведкой. Особое место отводилось советским гражданам, уличенным или подозреваемым в связях с советской разведкой, разведчикам и агентам, а также военнослужащим 8-й Народно-освободительной армии Китая (НОАК), военнопленным китайцам, захваченным в плен в ходе военных действий, китайским и корейским партизанам, боровшимся против японской оккупации Маньчжурии.

Испытания бактериологических средств проводились не только в лабораториях и на испытательных полигонах, но и в полевых условиях, в т.н. «экспедициях». Первая «экспедиция» была проведена еще в 1939 г. на реке Халхин-Гол, когда при отступлении японской армии в реку были вылиты болезнетворные бактерии. Вторая «экспедиция» была направлена в июле–августе 1942 г. в район Трехречья (Северо-Хинганская провинция

Китая) и длилась 25 дней. В ходе «экспедиции» проводились испытания бактериологических средств около г. Хайлара, у реки Тербур в 60–80 км от ее впадения в пограничную с СССР реку Аргунь.

В архивном уголовном деле имеются сведения и о других примерах использования бактериологических средств и оружия. Так, в 1940 г. в районе Нимбо (южнее Шанхая) отряд № 731 сбросил с самолетов в расположение китайских войск и на местное население авиабомбы, начиненные, бактериями чумы. Одновременно велось заражение водоемов, колодцев и других водных источников. В результате этого распространилась эпидемия в городах Цзиньхуа, Изьечжоу, Юйшань, на ликвидацию которой китайскими властями были привлечены значительные противоэпидемические силы. В 8-й НОАК было издано специальное указание о мерах борьбы с чумой.

Очередную операцию отряд № 731 провел летом 1941 г. в Центральном Китае: над г. Чандэ (около озера Дунтинху) с самолета сбрасывали бомбы, начиненные блохами, зараженными бактериями чумы. Цель операции состояла в том, чтобы, распространив эпидемию чумы, вывести из строя китайские войска и нарушить коммуникации. По словам начальника 2 отдела отряда № 731 полковника Сота, операция была «весьма эффективной»: среди китайцев возникла эпидемия чумы²⁵. Об этой операции в материалах архивного следственного дела сохранились следующие показания: «Этой операцией руководил начальник 2 отдела полковник Оота. По распоряжению генерала Исии из состава сотрудников 1 и 2 отделов было выделено 30 бактериологов, к ним был придан технический персонал, что в общей сложности составило отряд численностью около 100 человек. При возвращении экспедиции из Центрального Китая Оота мне рассказывал, что над городом Чандэ, около озера Дунтинху, экспедицией с самолетов сбрасывались блохи, зараженные чумой. Делалось это с целью нарушения коммуникаций китайских войск, важным пунктом которых являлся Чандэ. Операции по применению бактериологических средств в районе Чандэ были весьма эффективны, и среди китайцев была вызвана эпидемия чумы. Техника перевозки блох к месту их применения заключалась в том, что они содержались в особых резервуарах, заполненных рисовой шелухой, где они могли существовать без вреда. Рисовая шелуха также способствовала равномерному рассеиванию блох при сбрасывании их с самолета, чем обеспечивалась большая площадь покрытия»²⁶.

Кавасима на допросе показал, что «опыты по действию бактерий над живыми людьми проводились в полевых условиях, для чего 731 отряд имел два полигона, один из которых находился в районе ст. Аньда, в ста километрах от 731 отряда, а второй, название которого я не помню, вблизи отряда. На этих полигонах испытывались способы боевого применения авиационных бомб, начиненных бактериями. В июне 1941 г. на полигоне в районе ст. Аньда я лично присутствовал при испытаниях действий бактериологических бомб над живыми людьми. Бомбы были начинены блохами, зараженными чумой. Предварительная подготовка этого испытания проводилась первым отделом. Второй отдел составлял план общего хода испытания, а я, как начальник общего отдела, готовил проект приказа: где, когда и каким образом будут производиться испытания и кто именно должен принимать в них участие. Заготовленный мною приказ подписывался начальником отряда. Полигон в районе ст. Аньда представлял собой участок площадью в 1000 кв. метров. Он был отмечен специальными флажками, а вокруг была установлена охрана. К моменту нашего прибытия на место испытания на участке было размещено 10–15 живых людей, привязанных веревками к столбам, а также несколько сот белых мышей. Все участники испытания, которых было около ста человек, находились в безопасных блиндажах, которые были расположены с наветренной стороны, на расстоянии одного километра от опытного участка. Опытом руководил начальник 2 отдела полковник Оота. Через некоторое время над полигоном показался самолет, стартовавший с аэродрома 731 отряда. На подопытных людей и животных с самолета было сброшено более десяти бомб, изготовленных из фарфора со специальными взрывателями, которые автоматически взрывали бомбу на расстоянии двухсот метров от поверхности земли. Длина каждой бомбы около 50 см, а общий вес ее около десяти килограмм. После взрыва бомбы блохи рассыпались и накрывали объект, поражая подопытных людей и животных. О результатах опыта можно сказать: техника испытания была проведена отлично, все бактериоматериалы попали в цель, однако, последующие наблюдения над подопытными в тюрьме показали, что степень заражения была неудовлетворительной. Это объясняется слабой активностью блох, вызванной очень жаркой погодой»²⁷.

В последующем бактериологическое оружие применялось в 1942 г. на железнодорожном

узле Чжеган, в районе г. Нанкина и др. Об этой операции имеются такие показания К. Кавасима: «В мае 1942 г. генерал Исии вернулся из Токио и на секретном совещании в присутствии всех начальников отделов отряда, в том числе и меня, заявил, что на основании полученных им указаний от Генерального штаба часть отряда необходимо командировать в ближайшее время в Центральный Китай для выполнения бактериологической атаки против китайских войск. По словам Исии, эти операции должны проводиться вблизи железнодорожной линии Чжаган. В связи с подготовкой этой операции генерал Исии провел три совещания. Они были посвящены вопросам выбора вида бактерий для возбуждения эпидемических вспышек, а также практическим мерам, связанным с применением их. Было решено использовать бактерии чумы, холеры, брюшного тифа и паратифа. Руководителем экспедиции был назначен начальник 2 отдела подполковник Мураками Такаси. Позднее туда же выехал начальник общего отдела полковник Накатомэ Ниндзо. В работе этой экспедиции принимал участие и начальник отряда генерал Исии, выезжавший для этой цели в район действия экспедиции. В июле 1942 г., после предварительной подготовки, экспедиция несколькими партиями отправилась в Центральный Китай. Каждая из этой группы имела специальную аппаратуру и материалы для получения питательной среды и культивирования бактерий на месте. Экспедиция имела также значительные запасы блох для заражения их на месте чумой и капсулированные возбудители чумы и холеры для культивирования на месте.

Способ применения бактериологического оружия в этом случае являлся наземным и заражение территории производилось по принципу диверсионных действий. Войска японской армии провели стратегическое отступление, параллельно которому члены экспедиции производили заражение смертоносными бактериями водоемов, рек, прудов, полей и т.д. Наступающие китайские войска вступали в зараженную зону и подвергались действию бактериологического оружия. По официальному заявлению генерала Исии, применение бактериологического оружия в этом случае дало значительные результаты. Экспедиция в Центральный Китай направлялась по письменному приказу командующего Квантунской армией генерала Умедзу. Этот приказ я читал. В нем не указывались действительные цели экспедиции. Там было сказано лишь

о том, что экспедиция 731 отряда должна выехать в Центральный Китай.

Кроме этих двух случаев, о которых я знаю лично, со слов генерала Исии мне известно еще один случай применения бактериологического оружия в войне против Китая. В 1941 г., будучи начальником общего отдела отряда, в одном из моих посещений генерал Исии читал медицинский журнал за 1940 г., в котором китайцы поместили статью с описанием сильной вспышки эпидемии чумы в районе Нимбо (южнее Шанхая). В статье говорилось об особом характере вспышки эпидемии чумы, отмечая, что обычно распространение чумы среди людей сопровождается эпидемией среди грызунов, чего не было в данном случае. Комментируя статью китайского автора, Исии с удовлетворением отметил, что это сообщение подтверждает успешность эксперимента, примененного под его руководством особым отрядом в районе Нимбо. Исии заявил, что для распространения этой эпидемии чумы среди населения и военнослужащих китайской армии он практиковал сбрасывание с самолета блох, зараженных чумой»²⁸.

Хабаровский судебный процесс проходил в городе Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 г. В открытых заседаниях военного трибунала Приморского военного округа были рассмотрены материалы, собранные в ходе следствия, заслушаны показания обвиняемых — бывших военнослужащих японской армии, причастных к созданию и применению бактериологического оружия. В процессе проведения следственных действий были собраны многочисленные доказательства, по которым суд определял общественную опасность деяний и виновность лиц, совершивших эти деяния. В качестве доказательств в соответствии с уголовным правом суду были предоставлены: показания свидетелей, показания обвиняемых, заключения судебно-медицинской экспертизы, протоколы следственных действий и другие документы.

Для установления фактических данных и обстоятельств по материалам уголовного дела военным прокурором Приморского военного округа было назначено проведение судебно-медицинской экспертизы²⁹, перед которой поставлены вопросы: соответствовала ли техническая оснащенность и практическая деятельность отрядов водоснабжения и профилактики №№ 100, 731 и 1644 одним лишь целям противоэпидемической работы в обслуживаемых частях японской армии; в каком направлении

производилась экспериментальная и производственная работа отрядов №№ 100 и 731; каковы масштабы этих экспериментальных работ, их уровень и материальное обеспечение; какова потенциальная опасность бактериологических средств, имевшихся в распоряжении этих трех отрядов и их филиалов; могло ли данное бактериологическое оружие являться средством бактериологической войны.

В состав экспертной комиссии вошли: действительный член Академии медицинских наук СССР академик Н. Н. Жуков-Варежников, эпидемиолог полковник медицинской службы В. Д. Краснов, заведующий кафедрой микробиологии Хабаровского медицинского института профессор Н. Н. Косарев, доцент той же кафедры Е. Г. Левкин, начальник военно-ветеринарной лаборатории подполковник ветеринарной службы А. Н. Александров, паразитолог О. Л. Козловская.

В заключение судебно-медицинской экспертизы от 1 ноября 1949 г. сделаны следующие выводы: «Техническая оснащенность и практическая деятельность отрядов № 100 и 731 не соответствовала одним лишь целям противоэпидемической работы», «экспериментальная работа отрядов №№ 731 и 100 по своему специфическому характеру и особому содержанию могла быть направлена только на изыскание и производство бактериологического оружия, на разработку методов его практического применения и определение эффективности этого оружия». «Деятельность отрядов была направлена на разработку и производство бактериологического оружия, а также изучение методов его применения, в частности, с использованием для этой цели насильственного заражения живых людей». «Масштабы проводимых экспериментальных работ, а также тесно связанные с ними производственные работы и материальное обеспечение, были весьма велики», «огромные массы болезнетворных микробов, в числе которых были возбудители чумы, холеры, брюшного тифа и других, предназначались для производства бактериологического оружия с целью массового истребления людей». «Такие болезни, как легочная чума, приводят к смерти всех ею заболевших. Другая форма чумы — бубонная — также дает большую смертность. Это же самое можно сказать о холере и сапе, а в отношении животных — сибирской язве и чуме рогатого скота, брюшной тиф надолго выводит из строя заболевших»³⁰.

В ходе судебного процесса в Хабаровске военный трибунал установил степень виновности каждого обвиняемого. Все подсудимые в предъ-

явленном обвинении признали себя виновными. Перед оглашением приговора Ямада Отодзо сказал: «Я признаю свою ответственность в деле усиления боевой готовности по подготовке к бактериологической войне. Я признаю свою вину за все злодеяния»³¹, а Кавасима Киоси признал: «Совершенные мною преступления позорны не только для меня одного, но позорны для всей моей страны», «совершенные преступления являются громадным злодеянием против человечества»³².

Военный трибунал Приморского военного округа признал всех обвиняемых виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Все обвиняемые были приговорены к лишению свободы на различные сроки — от 2 до 25 лет с отбыванием наказания в лагере для военнопленных № 48³³. После частичного отбывания наказания все осужденные японцы в конце 1956 года были репатриированы на родину³⁴.

Ход Хабаровского процесса широко освещался в советских средствах массовой информации. В частности, в газетах «Правда» и «Известия» публиковались стенограммы судебных заседаний, статьи о преступных замыслах японской военщины.

В 1993–1994 г. Главная военная прокуратура Российской Федерации в связи с обращением «Японской ассоциации бывших военнопленных» рассмотрела архивное уголовное дело № Н-20058 и вынесла постановление о том, что все лица, проходящие по нему, осуждены обоснованно и реабилитации не подлежат³⁵. Определением Верховного суда РФ от 15 декабря 1994 г. приговор военного трибунала Приморского военного округа (1949) оставлен в силе³⁶.

Нюрнбергский (20.11.1945 — 1.10.1946) и Токийский (3.5.1946 — 12.11.1948) процессы создали международно-правовой прецедент уголовной ответственности за преступления против мира и человечности и военные преступления. Хабаровский процесс (1949) не носил международного характера, тем не менее, этот суд, на котором рассматривались ход подготовки и применения японскими военными преступниками бактериологического оружия на территории Монголии (1939) и Китая (1940–1942), по своему политико-правовому значению может

быть поставлен в один ряд с международными военными трибуналами.

Нюрнбергский, Токийский и Хабаровский процессы стали своеобразным предостережением для военных преступников и свидетельством торжества принципа неотвратимости наказания за совершенные преступления против

мира и человечности. В послевоенное время не наблюдалось массового применения бактериологического оружия, а в 1975 г. вступила в силу Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении³⁷.

¹ Токийский процесс 3 мая 1946 г.–12 ноября 1948 г. — суд над главными японскими военными преступниками в Международном военном трибунале для Дальнего Востока. Суду были преданы 28 человек; 7 — приговорены к смертной казни; 18 — к различным срокам заключения; 2 — умерли во время процесса; 1 — признан невиновным.

² 19 сентября 1931 г., обвинив китайцев в «диверсии», разрушении железнодорожного полотна арендованной Японией у Китая Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), японские войска начали захват китайского города на ЮМЖД, и разоружать китайские гарнизоны. К началу 1932 г. Япония заняла всю Маньчжурию, где создала государство Маньчжоу-го.

³ В мае–сентябре 1939 г. советско-монгольские войска отразили агрессию японских захватчиков, вторгшихся на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол. Боевые действия были прекращены по просьбе Японии 16 сентября 1939 г. Потери Японии составили около 61 тыс. человек, потери советских войск: безвозвратные — около 8 тыс. человек, санитарные — около 16 тыс. человек. Поражение Японии явилось одной из причин удержания ее от выступления против СССР во Второй мировой войне.

⁴ Хасан, озеро на юго-востоке Приморского края Российской Федерации у границы с Китаем и Кореей, в районе которого 29 июля — 11 августа 1938 г. произошел военный конфликт между СССР и Японией.

⁵ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 22. Л. 146, 147.

⁶ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 22. Л. 143.

⁷ Поражение немецких войск на советско-германском фронте и наличие значительных сил Красной армии на Дальнем Востоке вынудили Японию отказаться от выполнения плана.

⁸ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 22. Л. 132, 133.

⁹ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 22. Л. 146.

¹⁰ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 22. Л. 146.

¹¹ По делу проходили в качестве обвиняемых 12 японских военнослужащих: 1. Ямада Отодзо, с 1944 г. по день капитуляции Японии был главнокомандующим Квантунской армией, руководил преступной деятельностью подчиненных ему отрядов №№ 731 и 100 по подготовке бактериологической войны, поощряя в этих отрядах убийства тысяч людей во время экспериментов по применению бактериологического оружия; 2. Кавасима Киоси, в 1941–1943 гг. — начальник производственного отдела отряда № 731, принимал участие в подготовке бактериологической войны, лично руководил выращиванием смертоносных бактерий в производственных масштабах. В 1942 г. принимал участие в организации боевого применения бактериологического оружия на территории Центрального Китая. На протяжении своей службы в отряде № 731 принимал участие в массовом умерщвлении заключенных путем заражения их бактериями тяжелых инфекционных болезней; 3. Карасава Томо — начальник отделения производственного отдела отряда № 731. Один из активных организаторов работы по созданию бактериологического оружия. В 1940 и 1942 гг. участвовал в организации «экспедиций» по распространению эпидемий среди мирного населения Китая. Неоднократно лично участвовал в опытах по испытанию бактериологического оружия на заключенных китайских и советских гражданах; 4. Кадзицука Рюдзи, являясь в 1936 г. начальником отдела военно-санитарного управления военного министерства Японии, способствовал созданию специальной бактериологической лаборатории Исии. С 1939 г. — начальник санитарного управления Квантунской армии, непосредственно руководил деятельностью отряда № 731, снабжая всем необходимым для производства бактериологического оружия. Курировал работу отряда, знал о работе по заражению людей и одобрял это; 5. Ниси Тосихидэ — с января 1943 г. начальник филиала № 673 отряда 731 в г. Сунью, по совместительству — начальник 5 отдела отряда № 731. Активно участвовал в изготовлении бактериологического оружия, убийствах заключенных путем применения бактерий остроинфекционных болезней и подготовке кадров для спецподразделений армейских частей для ведения бактериологической войны. В целях сокрытия преступной деятельности филиала и отряда № 731 в 1945 г. отдал приказание сжечь все помещения, оборудование и документы филиала; 6. Оноуэ Масао — начальник филиала № 643 отряда № 731 в г. Хайлине, занимался изысканиями новых видов бактериологического оружия. Под его руководством готовились кадры специалистов по бактериологической войне. Знал и содействовал работе отряда № 731. В августе 1945 г. для сокрытия следов преступной деятельности филиала сжег все здания, запасы материалов и документы; 7. Сато Сюдзи, с 1941 г. — начальник бактериологического отряда в г. Кантоне (условное наименование «Нами»), а в 1943 г. — начальник аналогичного отряда в г. Нанкине (отряд «Эй»), принимал участие в создании бактериологического оружия. Впоследствии, будучи начальником санитарной службы 5 армии, входившей в состав Квантунской армии, руководил филиалом № 643 отряда № 731 и оказывал содействие в работе по производству смертоносных бактерий 8. Такахаси Такаацу — начальник ветеринарной службы Квантунской армии, осуществлял непосредственное руководство преступной деятельностью отряда № 100 по заражению заключенных опасными инфекционными болезнями; 9. Хиразакура Дзенсаку — сотрудник отряда № 100, проводил исследования в области выработки и применения бактериологического оружия, неоднократно принимал участие в спецразведке на границе в целях изыскания наиболее эффективных способов бактериологического нападения на СССР и при этом производил отравление водоемов, в частности, в районе Трехречья; 10. Митомо Кадзуо — сотрудник отряда № 100, принимал участие в изготовлении и испытании на живых людях бактериологического оружия. Непосредственный

участник бактериологических диверсий в районе Трехречья; 11. Кикучи Норимицу — санитар-практикант лаборатории филиала №643 отряда №731, принимал непосредственное участие в работе по изысканию новых видов бактериологического оружия и культивированию бактерий остроинфекционных заболеваний; 12. Курусима Юдзи — лаборант филиала отряда №731, имел специальную подготовку, принимал участие в культивировании бактерий остроинфекционных болезней и в испытаниях бактериологических снарядов.

¹² Бактериологическое оружие (биологическое оружие), вид оружия массового поражения, действие которого основано на использовании бактериологических (биологических) средств. К бактериологическим средствам относятся болезнетворные микроорганизмы (вирусы, бактерии, грибки) и высокотоксичные продукты их жизнедеятельности (токсины), способные вызвать массовые заболевания людей и животных (сыпной тиф, холера, оспа, чума, сап и др.). Бактериологическое оружие может включать снаряженные бактериологическими средствами боеприпасы (авиабомбы, артиллерийские снаряды и др.) и средства их доставки (самолеты, артиллерийские орудия и др.).

¹³ Квантунская армия, объединение вооруженных сил Японии в Маньчжурии (Северо-Восточный Китай), предназначавшееся для агрессии против СССР, МНР и Китая. Создана в 1919 г. За 1931–1941 гг. увеличилась с 64 тыс. до 700 тыс. человек. К началу советско-японской войны 1945 г. всего в Маньчжурии, Внутренней Монголии и Северной Корее была развернута группировка войск численностью свыше 1 млн человек. Разгромлена советскими войсками в ходе Маньчжурской операции 1945 г.

¹⁴ См.: Стенограмма Хабаровского процесса. М.: Политиздат, 1950.

¹⁵ Исии Сиро (1882–1959), японский военный деятель. Генерал-лейтенант медицинской службы (1945).

¹⁶ Иппозпизоотия — широкое распространение инфекционной болезни животных, значительно превышающее уровень обычной заболеваемости на данной территории.

¹⁷ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 2. Л. 131; Т. 8. Л. 47, 56; Т. 18. Л. 88.

¹⁸ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 16. Л. 129. Т. 18. Л. 18. Т. 21. Л. 21–23. Т. 19. Л. 3.

¹⁹ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 2. Л. 131–132.

²⁰ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 2. Л. 131–132.

²¹ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 2. Л. 140.

²² ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 2. Л. 140–141.

²³ Так в тексте.

²⁴ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 5. Л. 350.

²⁵ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 15. Л. 10.

²⁶ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 15. Л. 10.

²⁷ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 15. Л. 8–9.

²⁸ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 15. Л. 10–11.

²⁹ Основанием для проведения судебной экспертизы служит постановление лица, производящего дознание, следователя, прокурора, определение суда о назначении судебной экспертизы. В ходе судебной экспертизы на основе специальных научных познаний, необходимых для экспертизы уголовного дела, устанавливаются факты, обстоятельства. Предмет судебной экспертизы определяется вопросами, поставленными следователем или судом. Объектом судебной экспертизы могут быть вещественные доказательства, обстановка места происшествия, сравнительные образцы и т.д.

³⁰ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 22. Л. 153–154, 157, 159, 161, 162.

³¹ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 25. Л. 245.

³² ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 25. Л. 243.

³³ Лагерь для военнопленных №48 был создан в июне 1943 г. на базе бывшего санатория железнодорожников в пос. Чернцы Лежневского района Ивановской области в 28 километрах от г. Иваново. Это был самый секретный и наиболее крупный из «генеральских» лагерей времен Великой Отечественной войны. В лагере содержались пленные военачальники из разных стран Европы, в том числе фельдмаршал Паулюс. За 13 лет через лагерь №48 прошло около 400 немецких, австрийских, румынских, итальянских, венгерских и японских генералов. 27 из них скончались и похоронены на местном кладбище. В марте 1950 г. в лагерь №48 под усиленной охраной были доставлены представители высшего генералитета и старшие офицеры Квантунской армии, а также офицеры разведки, бывшие полицейские чины, члены так называемых бактериологических отрядов №№ 100 и 731. Все японские военнопленные были осуждены в период с 1947-го по 1950-й годы и на момент своего прибытия в лагерь уже перешли в категорию военных преступников. См.: Из истории органов государственной безопасности в Ивановской области. 1918–1954 гг. Иваново, 2008. С. 332–338.

³⁴ Осужденный Такахаси Такаатцу умер в лагере для военнопленных №48 от кровоизлияния в мозг.

³⁵ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 26. Л. 258–267.

³⁶ ЦА ФСБ России. №Н-20058. Т. 26. Л. 268–272.

³⁷ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г. была разработана Комитетом по разоружению ООН и одобрена 26-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН (1971). Конвенция была открыта для подписания в Москве, Вашингтоне и Лондоне 10 апреля 1972 г., вступила в силу в марте 1975 г. К середине 1999 г. ее участниками являлись свыше 140 государств, в т.ч. Российская Федерация как правопреемник СССР. Срок ее действия не ограничен. О выходе из Конвенции государство обязано уведомить за три месяца всех других участников и Совет Безопасности ООН с объяснением причин.